

И.К. Богомолов*

АМЕРИКАНСКИЙ ЖУРНАЛИСТ СТЭНЛИ УОШБЕРН НА РУССКОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

I.K. Bogomolov

AMERICAN JOURNALIST STANLEY WASHBURN AT THE RUSSIAN FRONT OF THE FIRST WORLD WAR

Аннотация. История фронтовой журналистики в России времен Первой мировой войны лишь в последние годы стала привлекать внимание исследователей. До сих пор мало изучены маршруты военных корреспондентов, их взаимоотношения со Ставкой, командованием фронтов, цензурой. Деятельность американского журналиста Стэнли Уошберна представляет особый интерес. К 1914 г. он уже был опытным и известным журналистом, побывавшим в разных точках планеты. Уже то, что Уошберн был приглашен на работу в «Таймс» и отправлен в трудную командировку на Восточный фронт, говорило о многом. Его журналистский талант сочетался со знанием русской армии, полученным со времен русско-японской войны. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов ратовал за его допуск на фронт для создания положительного образа России и русской армии в США. Хотя Ставка поначалу противилась допуску журналистов, доводы Сазонова вкупе с поражениями в Восточной Пруссии вынудили ее смягчить позицию. На фронте Уошберн выделялся среди других корреспондентов своей дисциплиной и увлеченностью делом. Не имея возможности постоянно посещать передовую, Уошберн сосредоточился на описании фронтовой повседневности, «переживании» человеком войны. Его статьи отличались корректностью и разнообразием сюжетов, на этой основе в 1914–1916 гг. были изданы четыре книги о Русском фронте. Популярность Уошберна на Западе сказывалась на его положении в России: ему предоставили максимальную свободу передвижения по фронту, ему охотно давали интервью сановники и командующие фронтами, дважды его удостоивал аудиенции Николай II. Уошберн часто высказывал свои идеи по развитию военной пропаганды на фронте и по улучшению образа союзников в русском обществе. Вступление США в войну в 1917 г. и коренная ломка общественного строя в России побудили

* *Богомолов Игорь Константинович*, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра россиеведения, Институт научной информации по общественным наукам РАН

Bogomolov Igor' Konstantinovich, PhD Candidate of History, Research Fellow, Center of Russian studies, Institute for Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences

+7-499-124-28-83; boga_igor@mail.ru

Уошберна резко изменить область интересов, оставить журналистскую профессию и покинуть Россию навсегда.

Ключевые слова: Стэнли Уошберн, военный корреспондент, Русский фронт, Первая мировая война, Ставка, военная цензура, С.Д. Сазонов, лорд Нортклифф.

Abstract. The history of front-line journalism in Russia during the First World War has only recently begun to attract the attention of researchers. Until now, the routes of war correspondents, their relationship with the Stavka, the front commanders, and censorship have been little studied. The work of American journalist Stanley Washburn is of particular interest. By 1914, he was already an experienced and established journalist who had visited various parts of the world. The fact that Washburn had been hired by “The Times” and sent on a difficult tour of duty on the Eastern front spoke volumes. His journalistic talent was combined with knowledge of the Russian army, gained from the time of the Russo-Japanese war. Foreign Minister S.D. Sazonov advocated his admission to the front in order to create a positive image of Russia and the Russian army in the United States. Although the Stavka initially resisted admitting journalists, Sazonov’s arguments, coupled with the defeats in East Prussia, forced to soften its position. At the front, Washburn stood out from other correspondents for his discipline and enthusiasm. Not being able to visit the front line constantly, Washburn focused on describing the everyday life of the front, the human “experience” of war. His articles were distinguished by their correctness and variety of subjects, and four books about the Russian front were published on this basis in 1914– 1916. Washburn’s popularity in the West affected his position in Russia: he was given maximum freedom of movement along the front, was willingly given interview by dignitaries and front commanders, and was twice granted an audience by Nicholas II. Washburn often expressed his ideas regarding developing military propaganda at the front and improving the image of the allies in Russian society. The entry of the United States into the war in 1917 and the radical breakdown of the social system in Russia prompted Washburn to change dramatically the field of his interests, leave the journalistic profession and leave Russia forever.

Keyword: Stanley Washburn, war correspondent, Russian front, World War I, Stavka, military censorship, S.D. Sazonov, Lord Northcliffe.

* * *

Стэнли Уошберн (1878–1950) — один из самых известных американских военных журналистов XX в. К началу Первой мировой войны он успел поработать в разных частях света, от Японии до Канады, побывал на двух войнах. Особые воспоминания Уошберна связаны с Россией. В 1904 г. в качестве корреспондента газеты «Чикаго Дейли ньюз» он побывал на Русско-японской войне, а в 1914 г. отправился на Русский фронт. С русской армией в 1914–1916 гг. Уошберн провел 26 месяцев, описав увиденное в четырех книгах. Несмотря на это, в отечественной историографии имя Стэнли Уошберна встречается нечасто. Последняя научная статья о нем вышла на русском языке

больше двадцати лет назад. Автор, С.В. Листиков, основное внимание уделяет работе Уошберна во время революции 1917 г. и Гражданской войны, а о периоде 1914–1916 гг. упоминает лишь в одном абзаце¹. Современные исследователи американской журналистики отмечают новаторские подходы Уошберна, его профессионализм и смекалку в нелегких условиях Восточного фронта².

В данной статье предпринята попытка более полно осветить работу Стэнли Уошберна в России в годы Первой мировой войны. Основное внимание будет обращено на 1914–1916 гг. — время, когда Уошберн тесно взаимодействовал со Ставкой, командованием фронтов, Министерством иностранных дел России, знакомился с фронтовой повседневностью русской армии. В исследовании задействованы документы из фонда 134 («Архив “Война”») Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и фонда 2003 (Ставка Верховного главнокомандующего) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

В своей работе на фронтах Первой мировой войны журналисты сталкивались с самыми разными трудностями, а подчас и с непреодолимыми препятствиями. Одной из главных причин был постоянный нажим со стороны правительства, цензуры, военного командования. Он, в свою очередь, был обусловлен усилением влияния прессы на общественные настроения, ростом читательской аудитории. К началу XX в. курс на усиление контроля над корреспондентами взяли все европейские государства. Своеобразным рубежом можно считать русско-японскую войну 1904–1905 гг., а действия японского командования стали наглядным примером. Формально не запрещая журналистам приезжать в свою страну, японцы всячески препятствовали их поездкам на фронт. Те, кто все же был допущен, столкнулись с длинным перечнем ограничений и запретов. Многие корреспонденты (включая писателя Джека Лондона) были разочарованы и уехали из Японии, так и не увидев театра военных действий³. Среди редких исключений — итальянский корреспондент Луиджи Базини, которого японское командование ценило за квалифицированные военные обзоры, внимание к деталям и, главное, положительные отзывы о японской армии⁴.

¹ Листиков С.В. Россия в первой мировой войне глазами американского журналиста Стэнли Уошберна, 1917–1919 гг. // Американский ежегодник. 1997. М., 1997. С. 177–189.

² Dubbs C. American Journalists in the Great War: Rewriting the Rules of Reporting. Lincoln, 2017.

³ Sweeney M.S. “Delays and Vexations”: Jack London and the Russo-Japanese War // Journalism & Mass Communication Quarterly. 1998. Vol. 75. N 3. P. 550.

⁴ McLaughlin G. The War Correspondent. London, 2002. P. 56.

Большинство военных (не только японских) относилось к журналистам с подозрением и неприязнью, которые своими корнями уходили еще в войны XIX в. Так, британские военные не забыли «вредную» деятельность журналистов-соотечественников во время англо-бурской войны и англо-зулусской войны 1879 г. Неудивительно, что военный министр лорд Г. Китченер в начале мировой войны не допускал представителей печати в расположение британской армии⁵. Официальную аккредитацию английские корреспонденты получили только в марте 1915 г. Непосредственной причиной этой уступки послужили неудачи британских войск в битве при Нев-Шапель, скудное освещение которой вызвало недовольство в английском обществе и усилило дебаты о значимости фронтовых корреспондентов⁶.

В России отношение к журналистам в армии прошло схожий путь. После 1905 г. в военных кругах был популярен взгляд на печать как на деструктивную силу, которая не только «мешается под ногами», но и выдает противнику военные секреты⁷. Под влиянием этих настроений после русско-японской войны последовательно ужесточались правила работы журналистов. Согласно «Положению о военных корреспондентах» (1912 г.) на фронт допускались двадцать журналистов (по десять русских и иностранных), их маршрут передвижения по фронту должен был заранее согласовываться, за отклонение полагались штрафы и отстранение от работы⁸. Однако общественный интерес к начавшейся мировой войне был столь велик, что многие редакции старались любыми путями получить допуск на фронт для их корреспондентов.

Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич поначалу был непреклонен. Подобно Китченеру, он не скрывал своего недоверия к журналистам, считал их только помехой и обузой для командования. Изменить свое отношение его вынудила обстановка на фронте. Поражения русской армии в Восточной Пруссии в августе 1914 г. произвели ошеломляющее впечатление в России. Успокаивающие сообщения Ставки только усиливали подозрения и страх перед германским наступлением. Общество в целом слишком мало знало о положении на фронте, о быте армии, ее героях и подвигах. В итоге в конце августа 1914 г. Ставка с явной неохотой согласилась допустить по пять представителей русской и иностранной печати. Пребывание корреспондентов на фронте было изначально обстав-

⁵ Ibid. P. 57.

⁶ Ibid. P. 59, 60.

⁷ Куропаткин А.Н. Русско-японская война: итоги войны. СПб., 2002. С. 10.

⁸ Блохин В.Ф. Военные корреспонденты Минского военного округа в годы Первой мировой войны: к истории вопроса // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3. С. 30.

лено множеством условий и ограничений⁹. Все корреспонденции (включая частные письма) должны были проходить строгую предварительную цензуру. За дисциплинарные нарушения (например, за отклонение от намеченного маршрута) полагались наказания — от денежных штрафов до тюремного заключения¹⁰. Отбор зарубежных кандидатур был особенно трудной задачей: следовало выбрать тех, кто устраивал и Петроград, и Ставку, и союзников.

Двумя неделями ранее, в середине августа 1914 г., Стэнли Уошберн прибыл в Лондон в составе группы американских корреспондентов. Их первоначальной целью был Западный фронт, который рассматривался как главный, близкий и более понятный журналистам и американской читающей публике. Всё изменила короткая встреча Уошберна с Альфредом Хармсвортом, виконтом Нортклиффом. К тому моменту Нортклифф владел ведущими газетами страны — «Таймс» и «Дэйли мэйл»¹¹. Он был заинтересован в «своем» талантливом журналисте на Востоке, который, к тому же, известен в Америке. Уошберна долго уговаривать не пришлось. Он поехал в Россию в статусе «специального» корреспондента, фактически не ограниченного в средствах. Статус корреспондента «Таймс» потребовал смены имиджа: привычное старое пальто и фетровую шляпу Уошберн должен был поменять на пошитый на заказ костюм, шелковую шляпу и трость. Поставленные задачи явно выходили за рамки корреспондентской работы. В своем напутствии Нортклифф прямо заявил Уошберну: «если ты поймешь, что можешь сделать что-либо в дипломатической или военной сфере, или через политическую интригу, которую я считаю твоим любимым времяпрепровождением, ты должен забыть “Таймс” и служить “Делу”, которое для меня важнее, чем эксклюзивные депеши»¹². Под «делом» Нортклифф, очевидно, понимал борьбу союзников с Германией, в чем формально нейтральный американский журналист мог сослужить хорошую службу.

Уже в августе 1914 г. Уошберн прибыл в Петроград, где познакомился со многими российскими и союзническими журналистами. Здесь статус корреспондента «Таймс» поначалу мало чем помогал: Ставка в первый месяц войны отклоняла все просьбы допустить журналистов на фронт. Не подействовали и личные просьбы министра С.Д. Сазонова, в том числе и по поводу Уошберна. Некоторые уступки Ставка начала делать в конце первого месяца войны. По поручению Сазонова представитель МИД в Ставке князь Н.А. Кудашев на первой

⁹ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 23.

¹⁰ Блохин В.Ф. Указ. соч. С. 30.

¹¹ *Thompson J.L. Fleet Street Colossus: The Rise and Fall of Northcliffe, 1896–1922 // Parliamentary History. 2006. Vol. 25. Part 1. P. 115.*

¹² *Dubbs C. Op. cit. P. 82.*

же встрече с начальником Штаба Верховного главнокомандующего генералом Н.Н. Янушкевичем просил за Уошберна и других американских журналистов. Ответ Янушкевича был двояким. С одной стороны, он вновь повторил что «вопрос о допущении в армию уже разрешен в отрицательном смысле». С другой стороны, журналисты могли быть допущены в определенное Ставкой время и на заранее оговоренные участки фронта. От каждой союзной России державы мог быть допущен только один журналист, причем имелось в виду не гражданство, а принадлежность к союзной прессе. В этом смысле Янушкевич был не против Уошберна, «тем более что этот журналист окажется распространителем сведений в выгодном для нас освещении и в Америке». Но Уошберн должен был быть единственным представителем английской печати, чтобы не нарушать баланс и «не вызвать соответствующего требования со стороны французов»¹³.

Назначение Уошберна наталкивалось и на противодействие Лондона, где не были в восторге от идеи, что американец будет представлять английскую печать, и подбирали свою кандидатуру. Стоит отметить, что на Русский фронт намеревались ехать несколько британских журналистов. Один из них, ирландец Френсис Маккалла, уже в августе 1914 г. появился в Петрограде. Маккалла не уступал Уошберну в послужном списке. К неполным тридцати годам он успел поработать журналистом в Токио и на Цейлоне, а в 1903 г. впервые попал в тогда еще русский Порт-Артур. Во время русско-японской войны Маккалла побывал в японском плену вместе с русскими солдатами, а в августе 1905 г. присутствовал на Портсмутской конференции. Его воспоминания о русско-японской войне¹⁴ встретили положительные отзывы в России¹⁵ и даже были частично переведены на русский язык¹⁶. Когда началась Первая мировая война, Маккалла не задумываясь отправился в Россию, чтобы присоединиться к русской армии. Редакция лондонской газеты «Дейли ньюз» поддержала своего корреспондента рекомендацией, в которой отмечен профессионализм Маккаллы, его храбрость, «кротость» и (явно не случайно) сочувствие сербам¹⁷. Правда, редакция умолчала о политических взглядах Маккаллы: до мировой войны он неоднократно критиковал крупных производителей оружия и лоббирующие их интересы правительства¹⁸. В личном письме Сазонову Маккалла доказывал,

¹³ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 72, 72 об.

¹⁴ *McCullagh F. With the Cossacks. London, 1906.*

¹⁵ Русское государство. 1906. 4 мая.

¹⁶ *Маккулах Ф. Среди казаков // Русская старина. 1915. № 1. С. 203–208.*

¹⁷ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 6, 7.

¹⁸ *Horgan J. "The Great War Correspondent": Francis McCullagh, 1874–1956 // Irish Historical Studies. 2009. Vol. 36. N 144. P. 549.*

что именно «радикальные» корреспонденты могут помочь русскому правительству в освещении военных действий и улучшении образа русской армии за границей. Немцы, полагал Маккалла, «навверняка поднимут крик о “русских зверствах”»¹⁹ и был в этом прав: германская пропаганда активно распространяла в нейтральной печати сообщения о военных преступлениях русских войск в Восточной Пруссии²⁰.

Эдуард Грей, министр иностранных дел Великобритании, также призывал Петроград скорее допустить журналистов на фронт, чтобы противостоять германской пропаганде²¹. Но это вовсе не означало согласия на кандидатуру Маккаллы. В России Лондону нужен был надежный и нейтральный журналист, имеющий связи в русских военных и политических кругах. Под эти условия почти идеально подходил историк Бернард Пэрс, который хоть и не считал себя профессиональным корреспондентом²², но хорошо знал Россию, был лично знаком со многими высшими сановниками и членами Думы²³. Пэрс согласился, хотя и считал Маккаллу более подходящей кандидатурой²⁴. Назначение Пэрса означало, что больше ни один представитель английской прессы не мог попасть на фронт. Глава Дипломатической канцелярии МИД барон М.Ф. Шиллинг 4 сентября 1914 г.²⁵ подтвердил Н.А. Кудашеву, что Пэрс назначен, и вопрос об Уошберне «отпадает», так как американец «не может заменить английского корреспондента»²⁶.

Однако Сазонов не был согласен с таким решением. По его мнению, нахождение Уошберна на Русском фронте было важно с точки зрения пропаганды и репрезентации России за рубежом, особенно в США. 6 сентября 1914 г. он писал Кудашеву, что немцы прикладывают серьезные усилия, чтобы привлечь на свою сторону американское общественное мнение. Это могло иметь опасные последствия для Антанты: США потенциально были важнейшим кредитором и поставщиком вооружений, а настроения американской прессы могли повлиять на решения Вашингтона. Ввиду того, что России, «очевидно, придется обратиться»²⁷ к содействию американского денежного рын-

¹⁹ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 8.

²⁰ *Watson A.* “Unheard-of Brutality”: Russian Atrocities against Civilians in East Prussia, 1914–1915 // *Journal of Modern History*. 2014. Vol. 84. № 4. P. 789.

²¹ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 14, 14 об.

²² Там же. Л. 59.

²³ *Hughes M.* Russian Studies and the Promotion of Anglo-Russian Friendship, 1907–14 // *Slavonic and East European Review*. 2000. Vol. 78. N 3. P. 515.

²⁴ *Pares B.* My Russian Memoirs. London, 1931. P. 276.

²⁵ Здесь и далее в тексте даты указаны по старому стилю.

²⁶ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 75.

²⁷ Перед словом «обратиться» Сазонов зачеркнул слово «вскоре».

ка», Сазонов просил Кудашева вновь вернуться к вопросу об Уошберне. Министр напомнил, что Пэрс являлся скорее представителем английского правительства, а не печати, поэтому можно отступить от «чисто формальной точки зрения, ввиду крайней важности для нас этого вопроса»²⁸. Доводы Сазонова, очевидно, показались в Ставке убедительными. 10 сентября он передал великому князю Николаю Николаевичу свою «искреннюю признательность» за одобрение кандидатуры Уошберна²⁹. В тот же день в телеграмме послу в Вашингтоне Г.П. Бахметеву Сазонов сообщил, что Уошберн допущен на фронт «во внимание к проявленному в Америке сочувствию к России» и просил посла подчеркнуть этот «знак особого расположения к Америке»³⁰.

Тем не менее, Ставка не торопилась претворять свои решения в жизнь. Формально допущенные на фронт, журналисты не имели права ехать туда без особого распоряжения. На эту медлительность сетовал корреспондент «Таймс» в Петрограде Роберт Вильтон в письме военному министру В.А. Сухомлинову от 19 сентября 1914 г. Подобно Сазонову, Вильтон считал «крайне желательным» присутствие американского журналиста на фронте. По его словам, в американском обществе востребованы «живые корреспонденции» с Русского фронта, которые «нельзя писать в Петрограде». На этом фоне Вильтон считал странным, что Стэнли Уошберн оставался в Петрограде уже пятую неделю, а фотограф английской газеты «Дейли миррор» Джордж Мьюз не имел права фотографировать даже собственный гостиничный номер и вынужден был посылать в Англию старые, купленные в магазине снимки³¹. Правда, Уошберн в российской столице не терял времени даром. Пока шли согласования, он внимательно изучал карты военных действий, ознакомился с местностью, путями сообщения русской армии в Польше и Галиции³².

После длительных согласований корреспондентам было разрешено приехать в Ставку 26 сентября 1914 г. Помимо Уошберна и Пэрса в состав группы входили еще три зарубежных журналиста: Людовик Нодо (Франция), Какасаки Оба (Япония) и фотограф Джордж Мьюз. Командование не исключало и расширения «квоты». Так, генерал-квартирмейстер Ю.Н. Данилов недоумевал, почему Роберт Вильтон, ходатайствовавший за Уошберна и Мьюза, сам не стремится своими глазами увидеть фронт³³. Несколько смягчил свою позицию и вели-

²⁸ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 77, 77 об.

²⁹ Там же. Л. 79.

³⁰ Там же. Л. 81.

³¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1442. Л. 12, 12 об, 13.

³² *Dubbs C.* Op. cit. P. 83.

³³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1442. Л. 19 об.

кий князь Николай Николаевич. Еще недавно наотрез отказывавшийся видеть журналистов на фронте, он теперь лично принимал их, уверял, что «очень рад» видеть и «высоко ценит» значение печати во время войны³⁴. В своих статьях Уошберн также упоминал эту встречу в Ставке. Николай Николаевич произвел на него впечатление человека «робкого и застенчивого», ведущего скромный образ жизни и практически ничем (кроме роста) не выделяющегося среди остальных штабных офицеров³⁵. К этой характеристике следует подходить осторожно: Уошберн публиковал эти заметки в разгар войны, когда в союзной прессе утверждались пропагандистские образы «простых» и «близких к солдату» военачальников и монархов. В России, к примеру, печать и пропаганда пытались развивать героический образ короля Альберта I³⁶.

По поручению великого князя корреспондентам были предоставлены «наиболее возможные удобства» при следовании вдоль фронта. Командование армий должно было всячески содействовать группе журналистов и допускать их в районы военных действий³⁷. Накануне отъезда все корреспонденты подписали обязательство строго соблюдать правила и «подчиняться всем требованиям, которые сверх того могут быть предъявлены»³⁸. Маршрут поездки был заранее согласован и включал несколько основных прифронтовых городов: Ровно, Броды, Львов, Рава-Русская, Сокаль, Владимир-Волынский, Ковель. По прибытии во Львов маршрут несколько расширился, были включены Галич, Городок, Кельцы, Козеницы³⁹. Журналисты были под бдительным присмотром специально прикомандированного к ним полковника П.Л. Ассановича, который сообщал буквально о каждом шаге группы⁴⁰.

Формально Ассанович был единственной цензурной преградой для корреспондентов: при наличии отметки о просмотре Ассановичем все их материалы должны были беспрепятственно попадать на страницы печати⁴¹. Однако даже столь конкретное указание из Ставки не помешало местным военным цензорам часто вмешиваться в процесс. Зорко следили за отправленными материалами и в самой Ставке: любые «неправильные» толкования и суждения журналистов

³⁴ Там же. Л. 35.

³⁵ Washburn S. Field Notes from the Russian front. London, 1915. P. 45.

³⁶ См., например: Русские ведомости. 1914. 14 октября; Новое время. 1914. 15 ноября.

³⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1442. Л. 56, 76.

³⁸ Там же. Л. 25.

³⁹ Там же. Л. 37, 41.

⁴⁰ Там же. Л. 46.

⁴¹ Там же. Л. 42.

ставились на вид Ассановичу⁴². К тому же самой строгой цензурой для них был сам формат заранее спланированных и ограниченных по времени поездок. Практически сразу недовольство выразил Б. Пэрс, считавший, что этот формат не позволит ему полноценно работать. Еще в пути он попросил Янушкевича и Сазонова перевести его на работу в Красный Крест⁴³. Таким путем Пэрс пытался законно остаться на фронте, и это ему удалось: из России он уехал уже когда Красная Армия была близка к победе в Гражданской войне.

Уошберн тоже не был в восторге от формата организованных поездок. Больше всего ему не нравилось то, что журналистов не допускают на передовую, показывая по большей части оставленные окопы. В городах группа посещала в основном лазареты. Уошберн предположил, что командование таким образом хотело показать журналистам самые неприглядные стороны войны и при этом не дать им увидеть стратегические объекты. Впоследствии он писал: «Когда эта великая война закончится, журналисты из этой группы определенно смогут назвать себя экспертами по госпиталям и раненым солдатам»⁴⁴. В центр повествования он поставил вопросы, казавшиеся на первый взгляд второстепенными: солдатский быт, повседневность в прифронтовых районах, женщины и их работа в лазаретах, настроения пленных австрийцев и немцев, религия на войне. Уошберн считал, что «если человек не знает, о чем думает простой солдат, на что он надеется и чего он боится, он ничего не знает об армии». Поэтому он старался проводить больше интервью, зачастую — на ходу, при этом совершенно не зная русского языка. Несмотря на трудности, ему удавалось находить новые сюжеты и регулярно давать материал в газеты⁴⁵. Пэрсу Уошберн очень нравился за его простоту, честность и увлеченность своим делом⁴⁶. Ассанович в отчете также отмечал, что во время поездки Уошберн «выделялся из всех прочих корреспондентов своей полной корректностью и бесприкословным подчинением всем правилам и указаниям»⁴⁷.

Первая поездка корреспондентов продолжалась месяц, до 26 октября 1914 г., после чего большая их часть вернулась в Петроград. Уошберн не намерен был задерживаться в российской столице и практически сразу начал хлопотать о возвращении на фронт. Посред-

⁴² Там же. Л. 69, 74.

⁴³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1442. Л. 62, 63, 64, 65, 66, 67; АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 59, 60, 61, 62.

⁴⁴ *Washburn S. Field Notes from the Russian Front.* P. 69–70.

⁴⁵ *Dubbs C.* Op. cit. P. 83, 84.

⁴⁶ *Pares B.* Op. cit. P. 277.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 Д. 1443. Л. 52.

ником вновь выступил Сазонов. 30 октября он просил Кудашева переговорить с высшими чинами Ставки по поводу допуска Уошберна. Прошение было составлено в максимально осторожных выражениях, Сазонов зачеркнул просьбу о «личном осмотре» Уошберном фронта и заверение, что тот не будет «злоупотреблять» своим положением. Доводы были те же, что и ранее: присутствие американского журналиста весьма важно для положительного образа России и русской армии в США⁴⁸. Ассанович также писал Янушкевичу, что Уошберн желает вновь попасть на фронт. Поездка, отмечал Ассанович, Уошберну понравилась, но в следующий раз он бы предпочел меньшую группу журналистов, и лучше, если будут только иностранные корреспонденты⁴⁹. Генерал Янушкевич прямо не отказал, пообещав допустить Уошберна, «как только это будет возможно, т.е. когда более определенно обозначатся новое направление и группировка армий, нашей и германской»⁵⁰.

Ожидая решения о новой поездке на фронт, Уошберн активно работал для английской печати. Его статьи затрагивали не только военные, но и политические и экономические вопросы войны. Свои идеи он не стеснялся обсуждать и давать советы высшим сановникам, вплоть до министров. Гранки своих статей Уошберн иногда присылал Сазонову, советуясь по поводу уместности той или иной темы в текущий момент. Так, в письме за 14 сентября 1914 г. Уошберн доказывал важность темы русско-английской торговли после войны⁵¹. Письмо Сазонову за 28 ноября 1914 г. Уошберн дополнил вырезками своих статей об австро-германских противоречиях. Не отрицая, что часть изложенного в них — слухи, Уошберн делал акцент на важности повторения этой темы в американской прессе: одна телеграмма «создает день, два или, возможно, неделю комментариев», но затем другие события выталкивают тему из общественного сознания. «Очень полезно» хотя бы раз в неделю посылать дополнительные материалы, которые возобновят обсуждение этой темы и повысят общественный интерес к ней. Уошберн доказывал, что «постоянное и тактичное повторение с разных сторон здравой идеи» постепенно формирует общественное мнение⁵².

Уже в начале ноября 1914 г. Уошберн вернулся в Польшу. Позже и другие корреспонденты, застрявшие в Петрограде после первой поездки, «начали тихо ускользать» в Варшаву⁵³. Местный отель

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 83, 83 об.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 Д. 1443. Л. 52 об.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 84.

⁵¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 Д. 1443. Л. 54.

⁵² АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 85.

⁵³ Washburn S. Field Notes from the Russian Front. P. 228.

Бристоль, в котором жили журналисты в первую поездку, вновь стал местом встреч и обсуждения новостей. Фронт был так близко к Варшаве, что значительную часть информации можно было получить, не выходя из отеля. Тем не менее, Уошберн старался найти лазейки, чтобы добраться до передовых позиций. 1 ноября он отправил статью из Варшавы, на следующий день побывал в прифронтовом Радоме, а 3 ноября — в только что взятом русскими войсками г. Кельцы. В начале января 1915 г. он вместе со знакомым военным врачом побывал в полевом лазарете рядом с передовой.

В это же время в Ставке решили привлечь Уошберна и Мьюза к официальным объездам фронта группой военных агентов — представителей союзных России держав. Уошберн был привлечен в тех же пропагандистских целях: показать американской публике силу и организованность русской армии. Произвести нужный эффект в целом удалось. Уошберн в превосходных тонах описывал состояние укрепленных позиций на р. Бзуре, лестно отзывался о прифронтовых дорогах и об организации власти на завоеванных территориях Австро-Венгрии. Главным же предметом его восхищения была сама русская армия, ее моральная устойчивость и ясное понимание правоты своего дела. Уошберн неоднократно отмечал, что русская армия образца 1914 г. заметно превосходит армию 1904–1905 гг. и имеет гораздо больший потенциал. Основываясь на этих наблюдениях, он предполагал, что к апрелю 1915 г. русская армия будет достаточно сильна, чтобы нанести сильный удар по противнику⁵⁴.

Положительные отзывы Уошберна можно было бы объяснить его особым положением. Как корреспондент «Таймс», он получал немалое жалование, позволявшее оплачивать текущие расходы, в частности — покупать топливо и запчасти для служебного автомобиля⁵⁵. В Ставке и в Петрограде на Уошберна смотрели как на «дорогого гостя», всячески его поддерживая и стараясь показать ему только лучшие стороны фронтового быта. Достаточно сказать, что объезды фронта Уошберн чаще всего совершал на автомобиле, нередко — в компании генералов и будучи единственным журналистом. Тем не менее, похвалы в адрес русской армии не означали ее идеализацию, как и вообще идеализацию войны. Напротив, в своих фронтовых заметках Уошберн стремился показать оборотную, неприглядную сторону войны, все те ужасы, что неизбежно ее сопровождают. В одной из статей он коротко упомянул о патриотическом подъеме в странах Европы в августе 1914 г., а затем подробно описал увиденные им в Польше прифронтовые картины: сожженные деревни, убитый скот на

⁵⁴ Ibid. P. 290.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 Д. 1443. Л. 41, 41 об.

обочинах, непролазная грязь, разграбленные усадьбы, изуродованные тела раненых и смертельно уставшие врачи. Если бы Уошберн писал для русской печати, скорее всего, его статьи были бы сильно урезаны, так как военным цензорам запрещалось пропускать сведения, «могущие угнетающе действовать на читателей»⁵⁶. Симпатии Уошберна не были на стороне германской армии, но он признавал ее силу и скептически относился к рассказам о массовых «немецких зверствах», так как прямых доказательств зачастую не было⁵⁷. Уошберн старался оставаться нейтральным, что сказывалось на оценках даже коллег-журналистов. Так, он искренне удивлялся, что русские журналисты «радовались как дети», разъезжая по завоеванному Львову и «смотря на “наши” общественные здания, “наши” станции и “наши” парки»⁵⁸.

Статьи Уошберна и фотографии Мьюза стали основой книги «Полевые заметки на Русском фронте», изданной в начале 1915 г. в Лондоне. Книга, по мнению «Таймс», сделала Уошберна «известным среди британских читателей» и укрепила его авторитет как писателя и корреспондента⁵⁹. Схожего мнения была и Ставка. В апреле 1915 г. Уошберну было выдано удостоверение для «облегчения в пределах возможности» его работы на фронте. В этом же документе Уошберн был рекомендован как «публицист нейтрального государства, неоднократно показывавший свой беспристрастный взгляд, расположенность к нам и полную корректность в соблюдении предписанных правил»⁶⁰. Уошберн вновь отправился на Юго-Западный фронт. Специальный пропуск позволял ему относительно свободно перемещаться по всему фронту и давал весомые преимущества перед коллегами. Так, Уошберн раньше многих русских корреспондентов попал в Перемышль и подробно описал его состояние, настроения населения и пленных австрийцев⁶¹. Статьи Уошберна о низком моральном духе пленных австрийцев очень понравились великому князю Николаю Николаевичу. Именно после этого Уошберн получил репутацию «приближенного» к Ставке журналиста, что влияло на отношение к нему командующих фронтами⁶². Отметим, что неизменным спутником Уошберна оставался фотограф Мьюз.

В течение мая–июня 1915 г. Уошберн проехал значительную часть Польши, все чаще ставя на корреспонденциях неопределенный адрес: «западнее Варшавы» или «где-то в Польше». В июне–июле он

⁵⁶ РГВИА. Ф. 13839. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

⁵⁷ Washburn S. Field Notes from the Russian Front. P. 174.

⁵⁸ Ibid. P. 66.

⁵⁹ The Times. 1915. 4 марта.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 Д. 1443. Л. 1.

⁶¹ Dubbs C. Op. cit. P. 86.

⁶² Ibid. P. 87.

вновь приехал на Галицийский фронт. Посетив Тарнополь, Броды, Холм, Уошберн стал свидетелем «великого отступления» русской армии. Пользуясь связями в командовании, он оставался в Варшаве и передавал телеграммы в «Таймс» даже когда немецкая артиллерия начала обстреливать город⁶³. В своих корреспонденциях Уошберн не раз подчеркивал, что само по себе это отступление, даже с оставлением Варшавы, не является катастрофой: Германия понесет гораздо большие потери и все равно будет ближе к поражению, чем ее противники. Не сомневался он и в стойкости русского солдата, который, конечно, расстроен отступлением, но не сломлен⁶⁴. Уошберн был уверен, что «выносливость, характер и ресурсы» позволят союзникам победить, и нет «ничего более неразумного, чем судить о ситуации по положению булавок, перемещаемых вперед и назад по карте Европы»⁶⁵. Нортклифф считал взгляд Уошберна на положение России даже излишне оптимистичным⁶⁶.

Больше беспокойства у Уошберна вызывало распространение слухов об отступлении в самой России. Высказать свои тревоги ему удалось в высочайшем присутствии: летом 1915 г. он был приглашен на обед в Ставке в присутствии Николая II. После обеда Уошберн воспользовался случаем, чтобы рассказать императору о важности общественного мнения и внимания к нему правительства. «Вы всегда пишите и говорите об общественном мнении, — сказал царь, — но у нас в России нет общественного мнения». Уошберн заметил, что «разница между развитием общественного мнения и его игнорированием — это разница между эволюцией и революцией». Николай II ничего на это не ответил и, уходя, поблагодарил Уошберна за всё, что тот сделал для России и для него лично⁶⁷.

Разговор с царем оказал явное влияние на положение Уошберна. Допуск на фронт он теперь получал гораздо легче, перемещался по нему гораздо свободнее, а генералы обещали всяческую поддержку. Так, в конце июня 1915 г. Уошберн встретился с генералом Н.И. Ивановым и посетовал, что для создания положительного образа русской армии в английской и американской печати делается недостаточно. Иванов, «слегка улыбнувшись», ответил Уошберну, что тот «может делать всё что угодно», посещать любые полки, передовые линии, брать интервью у солдат и офицеров. К Уошберну был даже представлен личный переводчик для более свободного общения⁶⁸. Те же предпочтения в своей

⁶³ Ibid. P. 97.

⁶⁴ Washburn S. The Russian Campaign. April to August 1915. London, 1915. P. 230.

⁶⁵ Ibid. P. 348.

⁶⁶ Dubbs C. Op. cit. P. 100.

⁶⁷ Ibid. P. 98.

⁶⁸ Washburn S. The Russian Campaign. P. 223.

армии журналисту предоставил генерал А.А. Брусилов⁶⁹. Результатом были большие и подробные статьи, снабженные фотографиями Мьюза и составившие вторую часть «Полевых заметок» — «Русская кампания, апрель–август 1915 г.» В рекламе этой книги «Таймс» отмечала, что Уошберн «по-прежнему смотрит на будущее России с оптимизмом»⁷⁰.

Для американской публики Уошберн издал отдельную версию воспоминаний о «великом отступлении», дополненную наблюдениями за фронтом осенью 1915 — весной 1916 г.⁷¹ Главный вывод Уошберна — германское поражение в войне стало еще ближе. Большая, казалось бы, победа немцев — взятие Варшавы — не сыграла отведенной ей роли и не вынудила Россию подписать сепаратный мир. Разница в ресурсах, людских и материальных, чувствуется все сильнее, и будущий контрудар России неизбежен. «Победа в поражении» — так Уошберн охарактеризовал итоги кампании 1915 г. для России.

Наступление германских войск вглубь Российской империи Уошберн рассматривал как очередную фатальную ошибку очередной «непобедимой армии», идущей на Москву. Этот сюжет он предполагал обыграть и в русской пропаганде. В сентябре 1915 г. Уошберн прислал С.Д. Сазонову черновик листовок, в которых приводятся аналогии с вторжением Наполеона в Россию в 1812 г. Иллюстрациями служили картины В.В. Верещагина со сценами отступления остатков наполеоновской армии. Так, в подписи под картиной «Ночной привал Великой армии» подчеркивается сходство ситуаций: французам обещали мир после взятия Москвы, как теперь немцам — после взятия Варшавы, уже до «первого снега». Однако война продолжается, и Уошберн намекает немецким солдатам, что их ожидает та же незавидная судьба, что и наполеоновских солдат⁷². Сазонов заинтересовался проектом и переслал черновики генералу М.В. Алексееву, подчеркнув, что автор — Стэнли Уошберн, «полезная деятельность которого неоднократно была оценена как военным ведомством, так и министерством иностранных дел»⁷³.

Проектом Уошберна заинтересовались и в Ставке. В своем докладе полковник П.А. Базаров перечислил основные предложения Уошберна в области пропаганды. Во-первых, чрезвычайно важно, чтобы нижние чины получали изложенные понятным языком новости о ходе войны. Освещение положения на Западном фронте не менее важно, так как «в войсках держится твердое убеждение, что союзни-

⁶⁹ Ibid. P. 294.

⁷⁰ The Times. 1915. 30 ноября.

⁷¹ Washburn S. Victory in Defeat. The Agony of Warsaw and the Russian Retreat. New York, 1916.

⁷² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1443. Л. 35, 36, 37, 38.

⁷³ Там же. Л. 33.

ки наши отказались от активной борьбы с немцами». В связи с этим нужны конкретные факты (желательно с фотографиями) отправки союзниками оружия и боеприпасов в Россию. Эти сообщения необходимо регулярно зачитывать войскам вслух. Во-вторых, большую роль играет грамотная репрезентация вождей армии, а в случае с Россией — императора Николая II. Для этого необходимо печатать и раздавать в окопах «тысячи» его портретов и фотографий. В-третьих, важно распространять среди вражеских войск сведения об их поражениях. Чтобы сообщения выглядели достоверно, необходимо «указывать не округленные, а возможно точные цифры потерь» с указанием частей войск. Листовки Уошберн даже предлагал печатать на красной и синей бумаге, чтобы они были видны немецким и австрийским солдатам на снегу. Большую роль Уошберн отводил иллюстративным материалам: фотографиям пленных, орудий, знамен и других трофеев, взятых русскими войсками. Кроме того, Уошберн просил для себя новое удостоверение, дополненное правом пользоваться телеграфом Ставки, бензином и запчастями для своего автомобиля. Себе в помощники Уошберн просил допустить в Россию переводчика Фреда М. Грэя, так как сам он «владеет только английским и плохо немецким языками». Наконец, в удостоверении Уошберн просил именовать его как майора американской армии⁷⁴. 2 октября 1915 г. удостоверение для Уошберна, Мьюза и Фреда Грэя было выдано⁷⁵.

В течение осени 1915 г. Уошберн оставался в России, телеграфируя с разных участков фронта. Общий тон его сообщений по-прежнему был оптимистичным. Из Риги он сообщал читателям «Таймс», что город вне опасности и подступы к Петрограду надежно защищены⁷⁶. Через Уошберна Ставка и МИД нередко пересылали официальные сообщения, объясняющие положение на фронте и внешнеполитическую линию России⁷⁷. С другой стороны, большое внимание Уошберн уделял социально-экономическим проблемам России, например беженству⁷⁸. В декабре 1915 г. Уошберн на несколько месяцев вернулся в США, чтобы немного отдохнуть и восстановить здоровье, подорванное во время длительных разъездов по фронтам. Здесь он продолжал писать статьи о России и Русском фронте и параллельно с этим вел активную общественную жизнь: читал лекции, посещал Теодора Рузвельта, госсекретаря США Роберта Лансинга, а также русское посольство в Вашингтоне⁷⁹.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1443. Л. 39, 39 об, 40, 40 об, 57.

⁷⁵ Там же. Л. 42.

⁷⁶ The Times. 1915. 14 сентября.

⁷⁷ The Times. 1915. 25 октября; 1916. 29 мая.

⁷⁸ The Times. 1915. 18 октября.

⁷⁹ Dubbs C. Op. cit. P. 100.

Для «Таймс» Уошберн написал за это время всего одну статью, вызвавшую, однако, серьезный резонанс в Англии. В статье он сетовал, что в Англии уделяют недостаточно внимания настроениям в российском обществе. Между тем «великое отступление» продемонстрировало, как быстро может вернуться подозрение к «коварному Альбиону», якобы бросившему своего восточного союзника. Хотя Германия держала на Западном фронте две трети своих сил, представление, что союзники ведут войну «до последней капли русской крови», распространилось и в окопах, и в петроградском высшем свете. Уошберн призывал наглядно продемонстрировать русским, что британский союзник «работает день и ночь» не только для себя, но и для России⁸⁰. В «Таймс» появились отклики на эту статью, и не все с Уошберном согласились. Лондонский корреспондент «Нового времени» Г.С. Веселитский-Божидарович уверял, что «все сознательные русские патриоты выступают за союз с Англией как за неперемненное условие будущего развития России»⁸¹. Другой читатель «Таймс» признавал правоту Уошберна, подчеркивая, что русский народ «не предвзят и не циничен, а только плохо информирован и очень доверчив»⁸².

В апреле 1916 г. Уошберн отправляется на Западный фронт. После шестнадцати месяцев в России для него это был совершенно новый опыт, словно «новый мир». Прежде всего, это касалось настроения на войну и причин, по которым люди жертвуют жизнью. Во Франции Уошберн посетил союзные штабы, побывал в крепости Верден. Ему было интересно соотносить военную повседневность на Западном и Восточном фронтах. Здесь он увидел «интеллектуальных, высокообразованных людей», четко понимающих причины и цели войны. В России же, по его мнению, настроение меланхоличное, люди (прежде всего крестьяне) видят в войне рок, которому следует покориться и стойко переносить выпавшие испытания⁸³.

На Западном фронте Уошберн пробыл до начала мая 1916 г., и в том же месяце вновь отправился в Россию. Посредником в переговорах со Ставкой, как и прежде, выступил МИД. В этот раз Уошберн запросил допуск на фронт не только для себя, но для своего секретаря, американского журналиста Л.С. Киркланда. Генерал-квартирмейстер Ставки М.С. Пустовойтенко попросил разъяснений от князя Н.А. Кудашева о целях и сроках поездки, а также мнение о них русского посла в Вашингтоне. Кудашев ответил, что журналистов, оказавших «выдающиеся услуги и доказавших на деле свое

⁸⁰ The Times. 1915. 23 декабря.

⁸¹ The Times. 1915. 30 декабря.

⁸² The Times. 1915. 28 декабря.

⁸³ The Times. 1916. 25 апреля.

благоприятное отношение», следует поставить в «особые условия при посещении фронта». Он отметил Уошберна и просил удовлетворить его просьбу насчет Киркленда⁸⁴. В начале июня Уошберну и Киркленду было разрешено посетить Северный фронт с 20 июня 1916 г. в течение двух недель; как и ранее, Уошберна сопровождал фотограф Джордж Мьюз⁸⁵.

Несмотря на выданное разрешение, Уошберн вместо Северного фронта сразу отправился южнее, где в это время развивалось русское наступление. Первая его статья пришла из штаба Юго-Западного фронта. В этой поездке Уошберн еще активнее перемещался по фронту, почти каждый день приезжая на новые позиции и регулярно посылая статьи в «Таймс». Он редко проводил на одном месте более двух дней, посетив за неделю Луцк, Ровно, Ковель и другие прифронтовые города⁸⁶. Уошберн много бывал на передовой, лучше познакомился с бытом фронтовиков. Гораздо больше внимания он стал уделять фортификации, современным методам войны, повседневности войск в окопах⁸⁷. В ходе «Брусиловского прорыва» Уошберн встречался с крупнейшими военачальниками — генералами А.А. Брусиловым, А.М. Калединым, К.В. Сахаровым⁸⁸. Для популяризации Брусилова в английском и американском обществе Уошберн сделал немало: генерал упоминается почти в каждой статье, а само русское наступление нередко описывалось как схватка «Брусилов против Гинденбурга»⁸⁹. По его словам, Брусилов — «человек с высоким интеллектом, который одинаково хорош как в атаке, так и в обороне»⁹⁰.

Главным наблюдением Уошберна была перемена в русской армии. Он восхитился способностью России подняться после тяжелых поражений лета 1915 г. У немцев преимущество в технике и боеприпасах, но «к сожалению для них», победа достигается не только оружием, но и отвагой, и талантом военачальников. Всего этого, писал Уошберн, было у русской армии в достатке⁹¹. Недоставало по-прежнему оружия и боеприпасов, хотя и здесь ситуация начала выправляться⁹². Немало хвалебных отзывов Уошберн оставил и об австро-германских армиях, признавая их упорство и высокий боевой дух войск⁹³. И если

⁸⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1443. Л. 3, 10.

⁸⁵ Там же. Л. 7, 8.

⁸⁶ The Times. 1916. 26 июня; 29 июня.

⁸⁷ The Times. 1916. 17 июля; 18 июля.

⁸⁸ The Times. 1916. 20 июня; 1 августа.

⁸⁹ The Times. 1916. 14 августа.

⁹⁰ The Times. 1916. 18 июля.

⁹¹ The Times. 1916. 29 июня; 4 июля.

⁹² The Times. 1916. 26 июня.

⁹³ The Times. 1916. 20 июля; 8 июля.

Австро-Венгрия «близка к коллапсу», то Германия вполне может продержаться еще два года, хотя и обречена на поражение»⁹⁴. Увиденное и записанное летом 1916 г. легло в основу книги «Русское наступление», вышедшей в 1917 г.⁹⁵ «Брусиловский прорыв» стал, по мнению Уошберна, логическим продолжением кампании 1915 г.: укрепившаяся русская армия нанесла мощный удар, показав, что силы германского блока уже на исходе.

Хотя Уошберн старался быть объективным и признавал боевые качества австро-германских войск, его симпатии и общие оценки были явно на стороне России и ее союзников. В этом смысле для Ставки Уошберн был ценным журналистом, доверие генералов к нему росло. Одновременно и противники России рассматривали его как известный и авторитетный источник информации о русской армии. Характерная ситуация произошла в июле 1916 г., когда в немецкой прессе было напечатано сообщение якобы от Уошберна об «ужасных потерях» русских войск в боях под Стоходом⁹⁶. Генерал Пустовойтенко распорядился в случае подтверждения подлинности телеграммы выслать с фронта всех корреспондентов «Таймс». За Уошберна вступился начальник штаба Юго-Западного фронта генерал В.Н. Клембовский, отметивший, что сообщение немецкой печати — компиляция с изрядной долей вымысла⁹⁷. Сам Уошберн назвал немецкую телеграмму «бесовестной фабрикацией, имевшей целью со стороны германцев ввести в заблуждение свои войска»⁹⁸. Опровержение было дано в «Таймс», где Уошберн напечатал свой оригинал и немецкую «подделку»⁹⁹. Он также призвал русское правительство использовать этот факт в пропагандистских целях: инцидент должен стать «прекрасной историей, показывающей, какими методами пользуются немцы»¹⁰⁰.

На Юго-Западном фронте Уошберн оставался вплоть до середины сентября 1916 г., когда наступление русских войск в Галиции окончательно остановилось. В начале октября 1916 г. он уже телеграфировал в Лондон из главной квартиры румынской армии. Перспективы румынского наступления Уошберн оценивал весьма осторожно, считая, что румыны не смогут долго наступать в Трансильвании без поддержки России¹⁰¹. Уошберн несколько раз встречался с румын-

⁹⁴ The Times. 1916. 9 августа.

⁹⁵ Washburn S. The Russian Advance. New York, 1917.

⁹⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1443. Л. 18.

⁹⁷ Там же. Л. 19, 20.

⁹⁸ Там же. Л. 17 об.

⁹⁹ The Times. 1916. 27 июля.

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1443. Л. 24.

¹⁰¹ The Times. 1916. 12 октября.

ским королем Фердинандом¹⁰². Однако в середине октября австро-германо-болгарские войска начали мощное контрнаступление, закончившееся в начале декабря 1916 г. взятием Бухареста. Еще за месяц до этого Уошберн уехал из Румынии и вернулся на Юго-Западный фронт. Здесь он продолжал оптимистично смотреть на перспективы русской армии в следующем году. Генералы были рады поддерживать его настроение. Так, Брусиллов в ноябре 1916 г. в интервью заявил Уошберну: «Война уже выиграна. Вопрос теперь лишь в том, как долго наши враги готовы ее продолжать»¹⁰³.

В конце ноября 1916 г. Уошберн побывал в Киеве, где во второй и в последний раз встретился с Николаем II. Царь выглядел «осунувшимся и измотанным», они коротко обсудили недавнюю победу В. Вильсона на президентских выборах. Николай II был удивлен предвыборным заявлением Вильсона о строгом нейтралитете США, признав, что «не понимает» американской политики. Уошберн, который относился к Вильсону все более критично, разделял эту досаду¹⁰⁴. Возвращаясь на фронт он не торопился и отправился в Петроград, где постоянно встречался с различными чиновниками и военными. Плотный график отрицательно сказывался на здоровье Уошберна, он вынужден был отойти от активной деятельности и в начале 1917 г. вернуться в США.

После Февральской революции и вступления США в войну образ жизни Уошберна радикально изменился. В апреле 1917 г. он становится военным советником госсекретаря Роберта Лансинга¹⁰⁵. Среди американского истеблишмента Уошберн пропагандировал идею всемерной поддержки демократической России и Временного правительства. В мае 1917 г. он возвращается в Россию в качестве советника дипломатической миссии сенатора Элиу Рута¹⁰⁶. Видя углубление революционного кризиса в России, Уошберн призывал к активизации союзной пропаганды, уравнивая ее по размаху с пропагандой германской¹⁰⁷. Октябрьский переворот он воспринял враждебно, как торжество «германских агентов» большевиков. В 1919 г., на фоне кризиса антибольшевистских сил, Уошберн с досадой писал о «предательстве» России — страны, которая в годы мировой войны несколько раз спасла своих союзников от неминуемого поражения¹⁰⁸.

¹⁰² The Times. 1916. 13 октября.

¹⁰³ The Times. 1916. 10 ноября.

¹⁰⁴ Dubbs C. Op. cit. P. 102.

¹⁰⁵ The Times. 1951. 9 февраля.

¹⁰⁶ Листиков С.В. Указ. соч. С. 182.

¹⁰⁷ Там же. С. 183.

¹⁰⁸ Там же. С. 186.

В 1918 г. Уошберн навсегда покинул Россию и перебрался на Западный фронт, где служил в разведке американской армии. С окончанием мировой войны он уже не вернулся к активной журналистской деятельности, лишь изредка напоминая о себе в прессе. Последовательный противник большевистской власти, Уошберн выступал против международного признания Советской России. Он назвал «кощунством» сам факт дипломатических отношений с правительством, «сохранение власти которого зависит от гонений на Церковь и уничтожения свободы, и чья общепризнанная цель, по словам его лидеров, заключается в увековечении классово-борьбы во всем мире». Выгоду, полученную от торговли с СССР, Уошберн назвал «тридцатью сребренниками», полученными за предательство памяти погибших в годы мировой войны¹⁰⁹. Оставшуюся часть жизни Уошберн посвятил развитию угольной промышленности в г. Уилтон, штат Северная Дакота¹¹⁰.

Карьера Стэнли Уошберна как военного журналиста была яркой и во многом уникальной. Усиление контроля над прессой в военное время было общей чертой всех государств в начале XX в. Американский журналист и писатель Ричард Хардинг Дэвис не без оснований назвал это время концом «золотого века» военных корреспондентов¹¹¹. Уошберну, как и другим журналистам, пришлось мириться с запретами посещать фронт, с подробными, даже мелочными правилами, заранее очерченными маршрутами, жесткой цензурой. Тем не менее, Уошберн сумел совместить, казалось бы, несовместимые вещи: строго подчиняться правилам и находить в них лазейки, чтобы дать новый и неповторимый материал о далеком Русском фронте. Опытный журналист, Уошберн умело лавировал между Ставкой и Петроградом, используя внешние обстоятельства и свой статус корреспондента из нейтральной страны. Всё это позволило ему со временем занять особое место в ряду иностранных журналистов. Уже в 1915 г. Уошберн без особых ограничений перемещался по фронту на личном автомобиле, был вхож в высокие кабинеты в Ставке и в Петрограде, на общение с ним находили время высшие сановники и генералы. По сути, это был новый тип корреспондента, который не только передает увиденное, но и активно участвует в происходящих событиях. Революция 1917 г. и вступление США в Первую мировую войну прервали эти тесные отношения, открыв новую главу в жизни Стэнли Уошберна.

¹⁰⁹ The Times. 1923. 15 мая.

¹¹⁰ The Times. 1951. 9 февраля.

¹¹¹ McLaughlin G. Op. cit. P. 55.

Список литературы

Блохин В.Ф. Военные корреспонденты Минского военного округа в годы Первой мировой войны: к истории вопроса // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3. С. 28–33.

Листиков С.В. Россия в первой мировой войне глазами американского журналиста Стэнли Уошберна, 1917–1919 гг. // Американский ежегодник. 1997. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 177–189.

Dubbs C. American Journalists in the Great War: Rewriting the Rules of Reporting. Lincoln: University of Nebraska Press, 2017. 312 p.

Horgan J. “The Great War Correspondent”: Francis McCullagh, 1874–1956 // Irish Historical Studies. 2009. Vol. 36. N 144. P. 542–563.

Hughes M. Russian Studies and the Promotion of Anglo-Russian Friendship, 1907–14 // Slavonic and East European Review. 2000. Vol. 78. N 3. P. 510–535.

McLaughlin G. The War Correspondent. London: Pluto Press, 2002. 232 p.

Sweeney M.S. “Delays and Vexations”: Jack London and the Russo-Japanese War // Journalism & Mass Communication Quarterly. 1998. Vol. 75. N 3. P. 548–559.

Thompson J.L. Fleet Street Colossus: The Rise and Fall of Northcliffe, 1896–1922 // Parliamentary History. 2006. Vol. 25. Part 1. P. 115–138.

Watson A. “Unheard-of Brutality”: Russian Atrocities against Civilians in East Prussia, 1914–1915 // Journal of Modern History. 2014. Vol. 84. N 4. P. 780–825.

Поступила в редакцию
20 июня 2020 г.